

*Любовь Турбина**

ЯН ЧИКВИН – БЕЛОРУССКИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ

Ныне покойный Владимир Колесник писал о нём: «Ян Чиквин, белорусский интеллеktуал европейской школы, родился 18 мая 1940 года на Белостотчине в семье белорусского крестьянина из деревни Дубичи Церковные. Детство в большой и дружной семье, зачарованность природой Беловежской Пуци, походы по ягоды и орехи в её тайники, – всё это отложилось в детской памяти как райские часы» (Калеснік 2000: 42).

Мир детства у Яна Чиквина сельский, но не совсем традиционный; двор семьи будущего поэта был отделён от деревни стеной леса, что создавало обстановку тишины, уединения, которая, как известно, способствует развитию поэтического дара. После окончания Белорусского лицея в Белостоке, открытого специально для детей из окрестных деревень, Чиквин начал писать стихи на белорусском языке и публиковать их в белорусских изданиях – «Нива» и «Рунь», подписывая их псевдонимом Янка Дубицкий. В 1959 г. молодой поэт поступает на отделение русистики славянского отделения Варшавского университета, где проявил себя способным студентом, и в 1969 г. был зачислен на кафедру научным сотрудником, защитил кандидатскую, затем докторскую диссертацию и стал профессором. Белорусский паренёк оказался сопричастен трём культурам: белорусской, польской и русской. В 1970 г. Я. Чиквин становится членом Союза польских литераторов. Как поэт он рос в условиях значительно большей раскованности духовной и творческой жизни, чем большинство белорусских писателей тех лет. Польская интеллигенция умела отвоевать себе необходимую творческую свободу и при тогдашнем режиме.

Учёный, профессор Варшавского университета, публицист и поэт вошел в интеллектуальную элиту, но сохранил и глубже многих осмыслил полученные от родителей, дедов и прадедов сокровища белорусской духовности; и мало кого удивлял в его творчестве этот симбиоз европейского с белорусским и русским народным неоромантизмом. Всё это воспри-

* Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии Наук.

нималось как естественное проявление личности в условиях культурного пограничья.

Ян Чиквин – учёный, критик и поэт, создатель утончённых, неброских, но запоминающихся стихов, в которых относительная простота выражения сочетается с глубиной чувств и мыслей; он написал ряд исключительно ценных произведений, которые достойны занять место в любой антологии современной белорусской поэзии.

Однако вернёмся к анкетным данным. В 1969 году он начинает читать лекции на филологическом факультете в Белостоцком отделении Варшавского университета, где в 1985 г. защитил докторскую диссертацию по филологии и вскоре стал профессором Университета в Белостоке. Ян Чиквин был один из основателей литературного объединения *Беловежье*, с 1988 г. – его председателем. Он член Союза польских писателей и, как ранее было сказано, Белорусского ПЕН-центра, награждён несколькими медалями и Золотым крестом за заслуги, пишет на белорусском и польском языках. Он также составил объёмистую библиографию белорусской литературы Польши (1998) и антологии избранных произведений некоторых этих писателей (2000). В 1984 г. написал монографию об Афанасии Фете и составил учебную антологию русской поэзии 1842–1895 гг. (1984). Чиквин перевёл на белорусский язык польских поэтов: Тадеуша Ружевича, Веславу Шимборскую и Чеслава Милоша, а стихи белорусского поэта Алесь Рязанова перевёл на польский язык; в 1998 г. основал в Белостоке новый литературный ежегодник «Термопилы».

Первой публикацией Чиквина по-белорусски стало стихотворение, опубликованное «Нивой» в 1957 г. С этого времени он регулярно издаёт поэтические сборники, в том числе «Иду» (1969), «Святой колодец» (1970), «Тревога» \«Непокой»\ (1977), «Светлый миг» (1989), «Круговая чара» (1992), «Свет первый и последний» (1997 г.), «Меловой круг» \«Крэйдава кола»\ (2002).

Обратимся к антологии «Белорусские писатели Польши». Поскольку Чиквин был её составителем и включил, надо думать, те из своих стихов, которые ему особенно дороги.

Его поэзия глубока по мысли, обращена к философским и экзистенциальным вопросам бытия. Стихи, с одной стороны, часто бывают элегическими, затрагивая темы несоразмерности события и переживания, а также полны удрученности перед лицом неизбежного старения и смерти; с другой стороны – они пронизаны ощущением красоты мира и особенно тех мест, где прошло детство поэта. Даже описывая городские явления, он постоянно обращается к образам сельской жизни. С точки зрения литературных традиций поэзия Чиквина наследует опыт многих белорусских и польских поэтов XX века – за исключением чисто авангардных экспериментов.

Ему удаётся поэтизировать сельский образ жизни в традициях круга поэтов журнала «Наша Нива» на новом историческом витке, поднимая её до художественного уровня, созвучного новому времени. Он ориентирован на европеизированную поэзию Максима Богдановича, наследуя при этом утончённость формы его стиха. В лучших своих проявлениях элегическая поэзия Яна Чиквина богата красками, броскими метафорами, аллитерациями, повторами и разнообразием лексических пластов, в том числе собственными новообразованиями, а также необычным построением, в этом тоже видится влияние Богдановича.

Первый сборник «Иду» (1969) и следующий, «Святой колодец», который появился годом позже, уже выявляют в нём мастера поэтической техники и самоуглублённого художника со своим особым голосом, способным передать тонкие и неуловимые оттенки самых глубинных ощущений. Он оглядывается на счастливое детство и на дом отца, образ которого будет неоднократно возникать в его стихах и в дальнейшем. И ещё одна отличительная черта сборника «Святой колодец» – в него включен венок из 15 сонетов. Многие в них перекликается с «Крымскими сонетами» Адама Мицкевича. К примеру, четвёртый сонет:

І бацькаўшчыны згэтуль убачыць немагчыма
Праз гушчары паўднёвай душнаты.
Узброяны у яе, што думаў Ты,
Ідучы сцежкамі паўцэняў Крыма?

Ты ведаў, што табе няма спачынку
Цапер. І будуць гнаць цябе вятры,
Далей, за горы і за моры тры
Каб ужо ніколі не вярнуцца у айчыну.
Як цяжка жыць – радзіма у няволі.
Худэй бы споўніць планы – і легіёны
У Польшчу увясці под гул касцельных звонаў.

Отечество отсюда увидеть невозможно
Сквозь тень, густую от духоты.
Так, окруженный ею, думал Ты
Шагая тропками полуденного Крыма?

Ты знал – тебе нельзя остановиться
Теперь. И будут ветры гнать тебя
Всё дальше, за хребты и за моря
Чтоб никогда в Отчизну не вернуться.
Когда страна в неволе – думал он –
Все планы – как скорей ввести когорты
В родную Польшу под костельный звон.

Связь лирического героя Я. Чиквина с великим Мицкевичем не следует воспринимать слишком буквально: первая строфа первого сонета очерчивает характер этой связи и её контекст:

Дзе Рым, дзе Крым, а дзе мая Айчына!
 Дзяцінства босае, замурзанае лета,
 Святая студня з жураўлём успамінаў,
 Сезам, дзе ўсё мае ляжыць ў фрагментах
 Где Рим, где Крым, а где моя Отчизна!
 Босое детство да замурзаное лето,
 Святой колодец с журавлём повисшим,
 Сезам, воспоминания в фрагментах.

Третий сборник Яна Чиквина «Тревога» предъявляет читателю поэзию более сложную; в предисловии к сборнику писатель Сократ Янович отметил её интеллектуальный характер. Вечные законы жизни, пропущенные через самоанализ и рефлексии, осмысливаются в этих стихотворениях, сохраняя при этом свойственное поэту первоначальное оттачивание от привычного, повседневного. Так и стихотворение *Ездок без седла* начинается с описания деревенского пейзажа:

Я вышаў ў нядзелю на вуліцу вёскі
 Кабеты спяшалі ў царкву памаліцца
 Я вышел в воскресенье на сельскую улицу,
 Спешили женщины в храм помолиться

Однако в последней строфе главный герой стиха – всадник без седла – и семья аистов, которые кружатся в небе, приводят поэта к размышлению о своём месте в мире:

А ў небе касмічнам, ў страшным бездонні,
 Там недзе імчаўся дух чалавечы
 Ў блакітнай ракеце –
 А я на зямлі свечкай перад іконай.
 А в небе космическом, в страшном бездонье
 Там мчался стремительно дух человеческий
 В синей ракете –
 А я на земле – как свеча пред иконой.

Прежде чем оставить третий сборник, отметим ещё одно стихотворение, которое выпадает из его общего строя стихов поэта – *Плач Ярославны* (1973), которое можно рассматривать как оригинальную вариацию на известный мотив *Слова о полку Игореве*. Уже первые исследователи, а также издатели «Слова» отдельно выделяли в его тексте плач

Ярославны как необычайно точную сюжетно-тематическую и стилистическую интерлюдия. Позднее Пушкин, исследуя аутентичность произведения, утверждал, что писатели XVIII столетия «Не имели все вместе столько поэзии, сколько находится оной в плаче Ярославны...». В недавнее время горячий защитник мысли об идейно-эстетическом единстве, целостности древнейшей поэмы Дмитрий Лихачёв тем не менее отметил, что в *Слово о полку Игореве* вставлено (инкрустировано) другое произведение – *Плач Ярославны*.

Естественно, что и сегодня этот лирический монолог соблазняет мастеров художественного слова „перевести” его на современный язык. Сам дух его, эстетическое содержание и особенно доминирующая в этом тексте яркая, сильно выраженная эмоциональность притягивает к переосмыслению возможности связи времен, вечных начал человеческой личности, которые созвучны космическим силам.

Это отвечает и тенденциям, образным исканиям современной европейской поэзии: внутренняя суть Ярославны, героини *Слова*, будто целиком сотканная из душевного трепета, стала достоянием литературы нового времени в качестве самостоятельного художественного феномена, не только сохранив свои главные психологические черты (женственность, нежность, возвышенность, верность, жертвенность, патриотизм), но и обогатившись новыми чертами. Прообразом для литераторов становится „неизменно изменяющаяся” Ярославна, ибо каждая из лирических героинь нашего времени формируется для существования в интеллектуальной ауре отнюдь не XII века. И вместе с эпохой индивидуальность миропредставления, даже личная судьба переводчика играет определённую, отнюдь не последнюю роль.

Подтверждением этого может служить стихотворение белорусского поэта-фронтовика Анатоля Велюгина *Плач Ярославны*, написанное по времени хронологично написанному Яном Чиквином. Опубликовано оно было впервые в 1963 г., однако замысел возник намного раньше, когда раненый на Сталинградском фронте двадцатилетний поэт находился в военном эвакуационном госпитале. И характер героини А. Велюгина складывается под влиянием патриотических настроений в обществе периода Великой Отечественной войны: в обращениях героини к персонализированным силам природы звучит не только и не столько мягкий лирический укор, как в *Слове* – она скорее ощущает себя на равных с ними. Образ Ярославны у Велюгина обрёл статус своеобразного поэтического символа, в котором осуществилось единство общенародных идей и побуждений с необычно мощным личностным началом.

Можно сказать, прямым оппонентом Велюгину после его *Плача Ярославны* стал Ян Чиквин; его концепция отличается от всех ранее известных: герой его произведения один на один с миром – со своими

размышлениями и вне общества. Плач *Слова* был воспринят Чиквиным как отзвук Родины, самая высокая нота произведения. В эстетическом плане Плач подготовил перелом сюжета: Ярославна обращается к силам природы за помощью, и природа помогает Игорю в час побега: наступление темноты, ночь, смерть в битве во сне сменяется утром, солнечным светом, силой жизни, „импульсом с Родины”, который переменял его судьбу.

С этой точки зрения интересно, что в *Плаче Ярославны* Чиквина нет буквального соответствия перевода и оригинала – никто не рассматривал до этого Яна Чиквина как сентиментального поэта, однако он сумел внести в разработку общеизвестной темы подлинное чувство, особенно в эпизоде, когда кони убыстряют бег, напившись воды из реки Каялы, спотыкаются у реки Леты, и это вызывает в княгине уверенность, что князь только спит...

Важным моментом творческой эволюции Чиквина стал 1989 год, когда в Минске состоялась первая публикация его стихов, в том числе ранних. Название книги – *Светлый миг* – знаменательно, потому что поэта всегда интересовала не только его родная Белосточина, но и собственно Белоруссия. Благодаря минской публикации у одного из самых интересных и талантливых белорусских поэтов появились новые читатели, у которых пробудилось внимание к „другой Белоруси,” начинающейся сразу за польской границей, тем более, как уже упоминалось, названия конкретных географических мест постоянно повторяются в названиях сборников и отдельных стихотворений поэта, а также часто упоминаются в тексте.

Если попытаться „нанести” поэзию Чиквина на поэтическую карту белорусской поэзии, то становится более, чем очевидно: у него есть совершенно своя, особая ниша и по чисто возрастному принципу – по году рождения старше его на несколько лет поэты „филологического поколения” Бородулин, Вертинский, Зуёнок и их ровесники, самое мощное поколение поэтов Беларуси XX века – и по близости к таким ярким индивидуальностям как Владимир Некляев и Алесь Рязанов, рожденным уже после войны. Военные годы на белорусской земле не дали поэта, сравнимого с Чиквиным и по силе дарования, и по возможностям реализации собственного таланта. И у тех, кого война застала ребёнком, и у тех, кто родился сразу после неё, стихи о войне так или иначе присутствуют, а чаще всего преобладают в ранние периоды творчества; возможно, где-то как социальный заказ, из конъюнктурных соображений. Но в основном – по ощущению причастности: жить в Белоруссии и не сталкиваться с памятью о пережитой трагедии невозможно. У Яна Чиквина тема войны отсутствует вовсе, тем более, учитывая и этот нюанс, поэзия Чиквина для исследования представляет большой интерес при сопоставлении с его ровесниками на территории БССР.

У меня в руках *Антология белорусской поэзии* (2003): в ней только два поэта 1941 г. рождения, один из них – Анатолий Сербантович – умер в 1970 г. Отсутствие социального заказа даже в первых, ранних сборниках поэта Чиквина отличает его от сверстников довоенного и послевоенного годов рождения. Но, одновременно, отличие поэта диаспоры от поэтов митрополии другое: у Чиквина в стихах постоянно упоминается Белосток, Бельск, Дубичи, но отсутствует понятие Белоруси как таковой, во всяком случае, до того, как с его стихами имели возможность познакомиться в Белоруссии. Состояние души поэта в диаспоре определяется в основном его „малой родиной”, ею же очерчивается круг его забот и интересов. По тому, как достаточно быстро Ян Чиквин вступил в Польский Союз писателей, понятно, что дискриминации по языковому признаку писатель, пишущий по-белорусски, не испытывал – его сверстники в республике Беларусь были приняты в СП значительно позднее.

Если для Наталии Арсеньевой и поэтов её возраста и круга разделительным барьером на „наших” и „не наших” модусом бытования поэзии был именно язык – белорусский, то для Чиквина объединяющим фактором стала вера. Именно православная вера отделяла его, как человека и как поэта, от основной массы населения Польши, именно на этой почве произошло объединение православных в Польше с православными в Беларуси после распада Союза. Вот одно из первых осознанных деяний Яна Чиквина на этой ниве – им были организованы паломничества польской православной молодёжи по святыням Белорусской земли. Белорусская православная сельская культура, её традиции и представления осмысливаются поэтически человеком, прошедшим искушение самыми последними исканиями европейской мысли; сочетание лексических рядов бытовых и сугубо научных рождает следующие строки:

Ноч павесіла на дрэвах скрыпку
Росач, страх для валахатых.
Нехта з некуль рэкнуў хрыпла:
„Пойдзем, сімулякры, ў тую хату,
Ў логава крыклівых паганятых”.

Ночь повесила на деревья скрипку
Страх, тревога для лохматых.
Кто-то откуда-то рыкнул хрипло:
„Пойдём, симулякры, у ту хату,
В логово крикливых погонщиков”.

Ирония в том, что по сюжету поэмы *Чёрная Вила* – сопоставимая сюжетно с *Торжеством земледелия* Н. Заболоцкого, речь держит кто-то из домашних животных, покинутых хозяевами по непонятной причине.

Вообще мера внутренней свободы, раскованности мысли автора в его последней книжке стихов *Меловое круг \ Крэдава кола * (Беласток 2002) не имеет себе равных, на белорусском языке во всяком случае. У Чиквина нет и неизбежной для большинства поэтов „метрополии” ностальгии по отношению к деревне, которая присутствует в стихах лучших поэтов Белоруси, родившиеся на селе, в вёсках (на слуху строка Янки Сипакова *Все мы из хат*), они навсегда эти вёски покинули и живут теперь в городе. Иначе Чиквин. Он сумел вернуться в родной дом и снова там поселиться, навещая город по деловой необходимости, осуществив то самое возвратное действие, связанное с образом колеса, круга, возвратный ход солнца по небу, который является одним из центральных образов его поэзии, лишенный примет, так сказать, „политического времени”, в книге *Меловое круг* – лучшей на наш взгляд, книге поэта – присутствует время возрастное, которое позволяет подводить итоги, остро ощущая трагедию обречённости человеческого существования как такового. И ещё один оттенок страха, возникающий неоднократно на страницах последней книги именно этого поэта – страх, что жизнь фактически прожита, но свою ли судьбу ему выпало осуществить? Иногда это говорится со смирением –

VITA MEA:

Ніхто не заве, і не будзе клікаць,–
Як срэбны вецер кліча бярозы!
Жыццём здарылася быць невялікім
Як бы ў прамежку чужога лёсу.

Никто не зовёт и звать не будет,–
Как серебряный ветер кличет берёзы!
Случилось по жизни быть невеликим
Как в промежутке чужих судеб.

Это ощущение, так мне кажется, и есть цена проживания не на своей земле, нет, не на чужой, но всё-таки на хуторе, в разрыве с основной массой соотечественников, это и цена его небывалой для белорусской поэзии раскованности: мета одиночества. Чтобы преодолеть его, Чиквином постоянно реализуются новые и разные проекты объединения белорусских литераторов; последний из них – издание литературного белорусскоязычного ежегодника «Термопилы» (с 1998 г.) – высококультурное издание, где печатаются поэты, прозаики, критики и литературоведы, живущие в Польше, а также проживающие в Беларуси или в других странах мира: для возможности публикации имеет значение только качество текста и общая позитивная направленность творчества. Издание „Термопилы,” даже по сравнению со многими негосударственными изданиями Белоруси, мужественно противостоит тлену и распаду, который прельщает сверх

меры авторов, долгое время ощущавших пресс внешней цензуры и потому не выработавших цензуры внутренней.

Отдельно хотелось бы отметить такой момент. Книга *Крэйдава кола Меловой круг* интересна как опыт многоязычия, возможно, один из прообразов поэтических сборников будущего: в неё включены переводы стихов Чиквина с польского языка на английский, а также с белорусского на польский, немецкий и испанский языки.

Ян Чиквин – знаковая фигура современной белорусской литературы, возвращенная диаспорой, но шагнувшая за её пределы, один из интереснейших поэтов порубежья, заслуживающих самого пристального изучения. Его поэзия, несущая четкий отпечаток его личности, даёт представление о неискаженной политической конъюнктурой белорусской ментальности: вдумчивость, доброжелательность, приверженность сельской духовной традиции – и острое ощущение своей „вписанности” в природу. У белорусов, сильнее чем у кого либо из славян, эта пуповина связи с родной землёй ещё не совсем перерезана.

Даўно нежывы бацька полем ідзе: Ён арэ
Ён і плуг. Ён і скіба раллі, і зерне
І воусвет далёкага рая

Давно неживой отец идёт полем: он пашет
Он и плуг. Он и борозда, и зерно
И отсвет далёкого рая.

Критики единодушно утверждают, что главная тема поэта – расставание с деревней, тоска по ней в городе и – философское обобщение этого мотива – боль за землю, которая является колыбелью людей. К стихам Я. Чиквина обратился белорусский философ В. Конон: сгруппировав их проблематику на гносеологическом поле, он отметил наличие в подтекстах эмоциональных экспрессий, словесных зарисовок, глубокие рационалистические конструкции и законы диалектики. Большинство исследователей поэзии Чиквина останавливаются на том, что основой его мировоззрения является сельская патриархальная традиция, что естественно для человека, живущего на земле, в предметном мире; и в то же время обогащенного самым современным категорийным аппаратом \ то же обращение животных друг к другу – „симулякры” в приведенном отрывке из поэмы *Чёрная Вила* \. Это придаёт опыту Чиквина уникальность, и не только в белорусской поэзии. Распространённое мнение о его устойчивой минорности, элегическом интеллектуальном одиночестве опровергается в посвященных ему критических эссе поэтов Алеся Рязанова и Галины Творонович.

ЛИТЕРАТУРА

Из века в век. Антология белорусской поэзии, (2003), Москва.
Калесник У. (2000), *Сляза п'якучая айчыны*, Белосток.

Lubow Turbina

JAN CZIKWIN – THE BELORUSSIAN INTELLECTUAL

The article deals with Polish, Belorussian and Russian cultural links and is devoted to one of modern Belorussian poets and translators – Jan Czikwin who in his output skillfully combines elements of three poetic traditions and Slavic cultures: Belorussian, Polish and Russian. Analyzing the chosen texts of Czikwin, the author concentrates on presenting the most characteristic aspects of his poetics.